

Нью- Йорк

Роман *Тани Родиной*

Таня Родина Нью-Йорк

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=11611142

Аннотация

То ли болезненный бред, то ли самая настоящая жизненная драма. Обычный город в России против Нью-Йорка. Ехать или нет? Кто победит? В чём вообще смысл? Предыдущие романы и сборники рассказов трижды были отмечены всероссийской литературной премией Дебют, гран-при фонда Стивена Спилберга в России и прочими литературными наградами.

Содержание

Представление	5
Глава 1	8
Глава 2	12
Глава 3	18
Глава третья с половиной	22
Глава 4	27
Глава 5	30
Глава пятая с половиной	33
Глава 6	47
Конец ознакомительного фрагмента.	54

Нью-Йорк

Таня Родина

© Таня Родина, 2015

© Варя Веденеева, дизайн обложки, 2015

Корректор Перепченко Пётр

Создано в интеллектуальной издательской системе
Ridero.ru

Представление

У меня ломаются ногти. Потому что опять весна и витамины вымылись из тела. Я сама, как испорченный витамин, который вышел на вечную прогулку из чьего-то дурацкого тела. Смотрю на свои ногти – они как всегда ломаются, от меня отваливаются мелкие кусочки. Сама же я, как один большой кусок мяса, и меня даже можно было бы пожарить с хрустящим солнечным луком и раздать беднякам. А если к такому изысканному блюду приставить бутылку любого алкоголя, то они, вероятно, устроят колоссальный пир. Пир на весь мир. Сгрызут меня до дыр, и вот уже за домом виднеется костей моих меловой пар.

Я высунула голову в окно и не узнала ничего нового. Не люблю скучать, но ведь скука – это тоже занятие, поэтому я вся в делах. Каждый день, каждую минуту.

Чувствую такую болотную полноту в теле, как будто меня на самом деле однажды пожарят, но до этого я успею прожить хоть какую-нибудь жизнь (не обязательно долгую) и узнать немало дивных вещей. А после – на костёр. Чёрт, меньше всего я хочу быть очередной Жанной д'Арк. Сегодня умирать уже не нужно, чтобы показать всему миру то, что ты хочешь получить. Можно просто лениво тыкнуть пальцем

и купить.

У меня нерушимые карманы бумажных денег. Я нарисовала их сама. Теперь ощущаю себя богатой аристократкой. Могу купить всё, что пожелаю. А потом – на костёр с луком.

Ещё у меня тонкая ступня. Тонкая, но длинная – 41-й размер обуви. Я твёрдо стою на этой плешивой земле, упираюсь головой в столпы воздуха, потому что я миллионер и я много чего знаю. Я много говорю «я». Не знаю, почему, вроде бы чрезмерного эгоизма во мне до этого дня не наблюдалось.

Многие писатели пишут о девушках лёгкого поведения. Словно в шляхах и есть весь смысл, словно в них лежит ключ к вечной славе. Написал один раз «шляха» – всё, тебя читают тысячи. Написал ещё раз – и вот, пожалуйста, уже целый миллион горящих глаз ждут твоего следующего романа или что ты там пописываешь вечерами после скучной работы у себя дома.

Интересно, какая на вкус человечина? Изменится ли мой собственный вкус от килограмма репчатого лука? А от двух? А от лука-порея?

Каждый день – это мини-жизнь. Ты можешь делать всё, что хочешь, и справлять дни рождения хоть каждый день,

приговаривая: «Ура, я всё ещё жив». Или так: «Ну вот... я всё ещё жив...».

Друзей почти нет, зато есть очень много знакомых. Так много, что я не знаю их имён. Самое лестное – что все они знают моё имя, знают, кто я, что делаю, что люблю, а что нет. Они говорят мне «привет», а на самом деле они знают обо мне гораздо больше, но делают вид, что скрывают. Так всем удобно.

Мне искренне нравятся красивые голоса. Когда ими не поют, а просто разговаривают. Голос – это острый нож, и им успешно можно разделать, разрезать, почиркать всё что угодно: мой палец или твоё настроение.

Бомжи, наверное, начнут с моих долговязых пальцев. Обладывая, надкусывая, принюхиваясь к спелому аромату свежего человеческого мяса. Боже мой, какая им вообще разница, как я буду пахнуть. Они запьют мою вонь алкоголем и ничего не почувствуют.

Глава 1

Все мы – пыль.

Я – пыль.

Барахтаюсь в этом безлюдном поле бетонных домов, выкрикиваю обещания, пытаюсь разорвать суицидальный покров, который отделяет тебя от меня. Словно кто-то стоит надо мной и удерживает моё тело, творит всю эту никчёмную реальность из прокуренных диалогов в холодной ванной комнате, которая никому не принадлежит.

Я сижу у окна, анализирую прохожих и даже закурила бы, вот если бы только умела это делать. Меня всегда окружают прокуренные помещения, но сама при этом я не курю. Я не умею.

Меня больше не приглашают на дни рождения. Наверное, потому что боятся, что я их испорчу. Испорчу своим пыльным присутствием просто потому, что не так давно я перестала много говорить вслух. Но ведь это не значит, что я молчу в своей голове. Но до этого мало кому есть дело.

Солнце готовит из меня наливную булочку, парящую на подоконнике, как на кружевном блюде. Мне наплевать.

Ещё с утра я была просто куском чего-то неопределённого.

У меня нет власти, чтобы разорвать эту оболочку. Воля живёт глубоко в моей крови, прячется в лиловых кристаллах, которые щедро разбросаны по всему моему телу, я уже и не помню, как выглядит моя воля, какая она на вкус. Кристаллы – это всего лишь образ, не уверена, что во мне есть хоть что-то кроме красной крови и что там ещё у всех людей внутри.

В окне совсем нет прекрасных людей. Ни в одном окне нет интересных людей. Все нормальные люди спрятаны в самих окнах, их давно переварили их дома. Мой дом ест меня уже давно, он сплёвывает направо мои тугие ресницы, избавляясь от лишних частей тела. Но меня это не волнует, пусть так. Мои ресницы кому-нибудь ещё пригодятся.

Я почистила зубы, надеясь таким образом очистить от себя хотя бы часть всего того, что уже успело налипнуть. Мне тошно и противно от того, что я чётко ощущаю, как вся эта гадкая пылица висит на мне. Ваши черные сплетни, твои протухшие взгляды, её черствая зависть. Всё такое блаженное, сладко-горькое, как протухшее яйцо на запах и как грязная кровь на цвет. Бесит.

Но пыль всё время коварно пробивается откуда-то. У неё

есть оловянное логово, в котором хранятся её мертвецки сонные дети, не знавшие счастья и мармелада. Ты знаешь, я чувствую, как она на меня бросается. Поджидает, пока я не смотрю, и накидывается сверху вниз. Тонкие пневматические пылинки неизбежно падают на струи моих коротких волос, на подушки моих слишком острых губ. Всё это чувствуется, но я никак не могу остановить это дьявольское действие. Ничего не могу поделать.

Все мои и наши знакомые по ночам совсем другие. Они срывают с себя все вот эти вот фабричные обшивки и перерождаются во что-то другое, каждое утро заново засыхая и возрождаясь. Днём они функционируют в типичных магазинах, зарабатывая себе на хлеб и алкоголь, а ночью пьют и некрасиво смеются. Ночью они совсем другие и не носят беспросветные костюмы. Когда темнота охватывает их лёгкие тела, каждый превращается в того, кем хотел бы быть. Они усмеваются месяцу на небе, видя в нём воспроизведение самих себя. Но им только мерещится. Тогда они облизываются и щедро угощают водкой любого, кто придумает хоть какую-нибудь гнусную лесть.

И я не говорю, что я – особенная.

Ты ведь и так это знаешь. Ты чувствуешь мою кривобокую индивидуальность, которая зарыта под тоннами всякой всячины. Но я не могу сопротивляться. То, что есть внутри –

это так просто не выкинуть, к сожалению.

Ты говоришь, что мне нужно много плакать. Но я не вижу в этом никакого смысла. В слезах нет смысла. Они не дарят удовольствий, слёзы вонзаются в налитые яблоки моих бледных щёк и, как черви, разъедают сладкий плод. От слёз у меня остаются шрамы, и их уже не спрятать. Ты не захочешь целовать меня больше. Поэтому я не плачу. Я просто молчу и смотрю в окно.

Глава 2

Акая осторожно грызла некрасивое яблоко, изредка вставляя едкие комментарии.

Услышав мою очередную теорию о мире и космосе, она решила промолчать, и верно: мне нужны только её уши. Моего рта обычно было более чем достаточно, чтобы произвести все те звуки, которые необходимы.

Я расхаживала по сиротливой комнате, меряя шагами и руками всё, что угодно. Перебирала за разговором с её ушами пыльные тома и грязные чехлы. Всё валялось, как на кладбище – с пессимистической тоской и высокомерным торжеством. Комната Акаи была похоронена уже пару лет назад, и она этого не скрывала. Ей не нужно пустое сострадание, её глаза горят гораздо ярче, чем все деньги в мире.

Акая высокая и стройная. Типичные слова о таком нетипичном человеке. Её ноги состоят из миллиардов клеток и остальных необходимых веществ. Она часто ест свои губы, которых почти уже не видно, и то и дело дёргает правым плечом. Плечо Акаи существует отдельно от её анатомически правильного тела, когда она улыбается – её плечо взлетает, как воробышек. Она показывает свою угловатую улыбку.

ку только тогда, когда рядом есть я. Она бы многое сделала для того, чтобы я никогда её не оставляла. Акая любит улыбаться, но может это делать только со мной.

Я рассматриваю неровный потолок, подыскивая нужные слова. Тем временем она принимается названивать кому-то, ища нужный номер в грязной телефонной книжке, которая валялась под кроватью вместе с давнишними газетами и бес-содержательными бутылками.

Уяснив, что здесь я не найду того, что мне нужно, я решительно выхожу из её квартиры, отправляюсь гулять по улочкам моего города. Когда я ухожу, я не прощаюсь. Акая не смотрит мне вслед, она смотрит под свою кровать.

Город был предательски небольшим, и каждый знал меня лично (мне всегда так казалось).

Всё меня раздражало, и я взяла и разбила пустую бутылку об угрюмую стену дома, и тут же из обшарпанного окна вылезла чья-то морда и принялась распространять жалкие звуки, как эмбрион, который очень хочет во весь голос ругнуться в пьяной утробе своей матери, но звук никак не выходит.

Я пошла дальше по улице, потому что мне не хотелось об этом думать больше.

На улице днём нет совсем ничего увлекательного. Утя-

та-школьники и шкафы-старики ползают по своим траекториям, иногда сталкиваясь и громко ругаясь матом. У меня был свой собственный путь, и я смотрела только вверх. Ничего интересного – просто висит вода. Обрушилась бы она на меня вся, хочу попробовать всю воду мира на вкус. Раскусить орех счастья, начать что-то принципиально новое, не связанное с этим городом. Вот вымыло бы сначала меня небо от всей этой пыли, а потом сразу за что-нибудь другое, за то, чего ещё в этом мире не было.

У меня болят руки. Вчера я с кем-то подралась, кажется. Мы спорили о чём-то безумно важном, что с приходом нового дня потеряло свой удельный вес. Теперь это не имеет никакого значения, но руки всё ещё болят. И немного разбит нос, всё ещё изредка капает кровь, то на мой башмак, то на каких-то случайных людей.

Вообще я не пью, я просто смотрю, как пьют другие. А другие пьют очень много, и от их смрадных дыханий пьянею и я. И начинаю изрыгивать новые теории для самой себя, чтобы осознать, что всё ещё могу мыслить. А они в это время слушают, специально или случайно, не знаю, а потом мы начинаем спорить и драться.

Трубы города качаются, как иглы в венах болезненных людей, наклоняются в туманах зловония, кренятся и возвра-

щпаются вновь на свои места. Солнце молчит, его лучи уже не греют мою кожу. Облака всё ещё на своих местах. Что ещё здесь?

Разнося пыль на дурацких ботинках, я всё шла, цепляясь зрачками за вывески лавок аж до крови. Вывески предлагали мне всё, что я могла бы только захотеть, но я просто не желала этого, меня не интересовали одежда, рыба и золото. То, что меня интересовало, не могло бы взвеситься в граммах и уложиться в дырявый пакет с голой девушкой. Я просто шагала дальше.

Басистая тётка, словно беременная жиром, шла напролом встречного движения, как бы выкрикивая своими вопиющими губами лозунги нового мира (или какого-то старого), она задела меня своим бетонным плечом, я лишь обернулась и посмотрела ей вслед. Мои глаза молчали, но рот ворчал, как старый дед, я не могла остановиться, меня понесло сильным течением, и я села на скамейку (как кстати). У меня постоянно кружится голова, и, наверно, я когда-нибудь скончаюсь.

Днём на улице нет проституток и почти не льётся водка. Не знаю, нужно ли мне это, но без этих двух всем вокруг намного тоскливее. Так устроена жизнь, но не будем об этом.

Я пришла домой и завалилась в душ изучать новые раны на моём лепестковом теле. Я одна – как большое весло, которым гребут по реке жизни. Моя кожа не успевает высохнуть, как опять вонзается в поток отбросов, и снова конечности протыкаются человеческими плевками. Нос заживёт совсем скоро. Мой вид напоминает полуомлет: я недожаренная и скукоженная, это мне льстит, я люблю менять своё тело по пустякам. Сегодня пусть будет так.

Я лежу в ванной. Круг воды опоясывает меня, сжимает горло, как резиновый круг – ребёнка с лазурными глазами, у меня у самой голубые глаза, но это не даёт мне никакой форы, знаешь. Лучше просто их закрыть, чтобы они перестали казаться такими важными.

В холодильнике давно погибли все съестные припасы, от этих печальных мыслей меня спасает телефонный звонок, и трубка тотчас падает прямо в ладони.

– Приезжай ко мне.

И серенада гудков распадается на тысячи осколков. По мне стекает вода, я только что выскочила из ванной.

Конечно, я знаю, кто это. Его голос трудно спутать с кем-то другим. Как прогнивший апельсин, обступленный орео-

лом скисших сливок. А сверху зрелая вишня. С прожорливым червяком внутри. Необычное сочетание, правда? Вот и Его голос почти такой же.

Начинаю напяливать на себя разные вещи, чтобы прикрыть естественную наготу. Смотрюсь в зеркало и вижу себя, ничего удивительного – всё тот же человек с чуть разбитым носом. Интересно, что Он скажет. Наверное, ничего. Он вообще почти не говорит. Только тогда, когда Ему что-то нужно услышать в ответ.

Ещё у Него слишком длинные ноги, они могут даже убить, если вступят в заговор с его беспечным мозгом, тогда от моего снежного тела вряд ли что останется. Только кости, которые без труда можно отдать огню в апельсиновой печи времени. Шерстяной свитер на всё ещё мокрую спину.

Глава 3

– Ну и ну.

Он открыл дверь и увидел в её промозглom проёме только мой нос. Пригласил его войти, с ним зашла и я.

Его квартира – как Он сам. Повсюду гремят какие-то звуки, на потолке висят картины, а пол измазан остатками всего, что бывает в этом сумасшедшем пространстве. Но я люблю это место. Он всё время кормит меня салатом из овощей и смотрит только в глаза. Сегодня Он смотрит в мой нос. Я чувствую это, но меня ничего не беспокоит. В этом месте всегда безмятежно и можно ничего не делать, ни о чём не думать, ничего не говорить. И чувствовать что-нибудь тоже никто не требует.

Он хочет, чтобы все его женщины думали, что он художник. Поэтому он купил картины своего невнятного друга и вздёрнул их на свой желтоватый потолок. А в центре комнаты для вида стоит хмельной мольберт, с которого я по воскресеньям стираю пыль. Но сегодня среда, и ещё есть время.

Кухня залеплена грязными шторами и чёрным покрытием обоев. Здесь темно, как в бабушкином гробу, но мне

не страшно, мне спокойно. Даже по-своему уютно.

Он достаёт зеленку и начинает методично рисовать мне усы, как у дворовой кошки. Я и есть дворовая кошка, поэтому не сопротивляюсь суровой действительности. Затем он принимается за нос и аккуратно лечит меня. Он врач по образованию и должен лечить больных стариков и старух с обвислой грудью за маленькие деньги, но вместо этого бесплатно врачует меня. Он спит с миллионами дам, но лечит только меня. Хотя, некоторым из них не помешало бы подлечиться.

Тебя интересует, была ли у нас с ним любовь. Это ясно, что тебя это интересует, и не говори «нет».

Но её не было.

Он потягивается на стуле, после того как закончил с усами, и начинает свой рассказ об очередной женщине, с которой провёл прошлую ночь:

– Она очень неплоха. Нет, не лучше Жанет, нет. Жанет не затмит никто. Хочешь салат? Ещё осталось немного. Могу приготовить чай, хочешь? Лично я буду алкоголь. Я знаю, что сейчас 12 часов дня, но мне нужно в себя что-нибудь влить, или я потеряю нить рассказа.

Он удаляется за чем-то, что булькает, и возвращается со стаканом и какой-то обнажённой женщиной под мышкой.

Мы здороваемся, и дама неспешно удаляется в ванную комнату.

– Да, это она. Конечно, не мой идеал, но она умеет мыть пол. Поэтому я решил, что пусть поживёт. К тому же она художница. Я велел ей нарисовать мне новых картин, старые уже раздражают. Как только она нарисует мне двадцать картин и три раза помоеет пол, я выставлю её. Но не раньше.

Он прекрасно понимает, что его новая девушка слышит эту речь, но продолжает: ему всегда было плевать. Он не держал никого и никогда, только меня. Но я всегда была его исключением из всех мыслимых правил. Из всех-всех правил.

Я ем салат, а он бреется. Он любит бриться при мне. Он всегда это делает.

Его руки забиты какой-то дрянью. Он колет в себя какую-то ерунду, объясняя всем, что это всего лишь витамины, и не больше. Я никогда не пыталась отговаривать его от наркотиков, потому что знаю, что это бесполезно и ему уже не два года. Ему сорок шесть. И от этого мне спокойно.

Возвращается его новая женщина, по имени Роза (он всегда даёт новые имена русским девушкам, с которыми начинает жить вместе). Роза в два счёта расчищает простор кухни и мастерски укрощает плиту, она начинает плевать жарким огнём. Меня всё это не слишком касается, но у Розы

красивая и чёткая линия спины, и я говорю ей об этом. Она включает улыбку и на удивление искренне предлагает сварить мне кофе. Я говорю, что в этом доме не бывает кофе. Она вопросительно вглядывается в его глаза, а он отвечает на бессмысленный вопрос её серых дыр:

– Ты можешь ей доверять, она же моя дочь.

Глава третья с половиной

Я перелезаю в другую комнату с чашкой чая, которую заварил мне он. Чай с какими-то травами, меня тотчас начинает уносить в другую реальность, от чая хорошо и в то же время безумно несерьёзно. Пустой желудок, пустое сердце, пустая голова – всё до отрешённости прекрасно. Как я люблю.

Не знаю, как он зарабатывает деньги. Я не знаю и никогда не спрашивала: не хочу его обидеть. Мне кажется, что одна из его женщин работает на овощебазе: у него всегда полный холодильник овощей. Всё остальное появляется по большей степени случайно.

В его квартире есть уголок и для меня. Уголок в единственной комнате и только для меня, там лежит моя тетрадь, которую он никому не разрешает трогать (даже Жанет), и мои очки, которые я неизменно забываю забрать с собой.

Чай медленно вливается в мою глотку, я в своём углу. В этом мире для меня есть целый угол... Мне очень повезло, с этим трудно спорить.

Слышу, как на кухне он с Розой начинает творить любовь.

Я же словно в ответ начинаю похлопывать в такт ладонями, сидя на полу и всматриваясь в стакан с чаем. Чаинки расплзлись, как китаянки, в прозрачном стакане, они как беременные женщины, валяющиеся на поле с чечевицей. Или с рисом. Ну или я даже не знаю.

За окном так безжизненно, и всего лишь три часа дня. У меня на руках всегда есть часы: две руки, двое часов – мне кажется, что всё правильно. На одних русское время, на других часах время для другого города. Ты знаешь, это очень удобно. Я могу жить по такому времени, которое мне нравится больше. Я могу выбирать то, что мне больше нравится, сидя в этом пыльном углу, рассматривая свой чай в стакане и слушая звуки любви за стенкой. Мне всё нравится.

Когда они закончили, я слышу, как следом хлопает входная дверь, и Роза влетает в комнату, как бешеный страус. Она молча садится на кровать ровно напротив меня и внимательно изучает мои глаза.

– Да, ты очень похожа на него.

Если честно, я так не думаю. Вообще-то я думаю о теле Розы, потому что она всё ещё не одета. У неё чудная спина, хотя сейчас она и сидит ко мне грудью.

Она смотрит на меня и как будто чего-то ожидает. Тра-

вы чая уже успокоили мой буйный разум, и я немного отупела от происходящего. Я смотрю в овальный пупок Розы и словно чувствую тайну мироздания, как эта тайна вспарывает мои вены и мстит всем родителям мира за моё сосуществование с самой собой. Я смотрю в её пупок и вдруг вижу вместо пупка уродливый шрам, отвратительный рубец, который выдаёт её смертность.

Он говорит, что Роза – самый настоящий человек. А ведь с такой чудесной спиной она могла бы быть и богиней.

Она вдруг подлетает ко мне и зачем-то целует в лоб, коснувшись своими грудями моей шеи. Не могу понять, зачем она это сделала, и инстинктивно щупаю свою правую руку, пытаюсь найти признак жизни. Да, я жива. Всё ещё здесь.

Затем Роза усаживается обратно на диван и начинает пилить свои когти. Она молчит, а я глазами уже в чае. Её уродливый пупок мне смертельно надоел.

Хлюпает входная дверь, возвращается Он, и я слышу, что Он уже не один. Его дорогие и как всегда такие шумные приятели срывают свои ботинки и, срывая глотки, мчатся на кухню.

Роза легко набрасывает на себя белое платье с широкой

синей полосой посередине и выпархивает к ним. На кухне ей страшно рады.

Мне тоже вдруг ужасно захотелось, чтобы хоть кто-то мне порадовался; я выползаю на кухню следом за ней, держа в руке уже пустой стакан с трупами китайнок на дне. Мне тоже рады и, кажется, на самом деле. Каждый смачно жмёт мне руку и мои бока, все дарят улыбки, а я лишь вяло хмыкаю в ответ.

Он готовит стаканы, чтобы залить в них пойло богов.

– Да, боги пили именно это. Вы только посмотрите на этот свинцовый цвет, почувствуйте этот запах, загляните внутрь. Вы найдёте там гораздо больше, чем думаете, господа и дамы, – говорит он.

Я ухмыляюсь: этот человек умеет говорить красиво и маняще. Роза с восхищением рассматривает стакан с пойлом и тут же выстреливает в себя струю эликсира. Я смотрю во все глаза: я-то уже знаю, что будет дальше.

Через пару часов мне становится скучно, и я ложусь спать в своём углу.

Проснувшись, я вижу перед собой валяющиеся тела его друзей и Розу, которая, как королева, гордо и неприкосновенно возвысилась в центре кровати. Её обнаженное пле-

чо выступает, как мёртвая кость на остатках поля боя. Мне становится почему-то неуютно, и я выбегаю из квартиры, попутно взяв на память какие-то деньги, которые лежали на шкафу.

Денег оказалось больше, чем я могла предположить. Время 6 утра, и я беру такси. Сейчас я могу себе это позволить.

Таксист, заплетённая косичка, жирно усмехнулся, увидев меня. На прощание он бросил мне вслед:

– Девушка, у вас зелёные усы на всё лицо.

Глава 4

Главное – забеременеть.

Самое прекрасное чувство, как завещал великий Генри Миллер, – забеременеть своей будущей книгой.

Знаешь, я уже чувствую её, ощущаю чудо беременности под кожей своей головы.

А теперь представь меня на столе в зелёную клетку, смотри на эту грязную подстилку для моего блестящего от пота тела – эта скатерть черна от предыдущих трупов. Но меня это не пугает.

Моё дитя слишком большое, и заботливые руки делают мне кесарево сечение. То есть попросту разрезают мою голову своими блестящими ножами. Я лежу и смотрю то на грязную клеёнку, то на зияющую рану ровно посреди моих глаз. Из раны торчат обломки антенн, использованные карты дорог и поддельные бриллианты. А посреди всего этого хлама лежит, как единственное чудо на свете, моя книга. То, ради чего я терплю всю эту боль, всю муку, всю плесень, которая валится на мои плечи, и всю слизь, которую заливают мне в уши.

Моё тело всё ещё в больнице, в комнате со специальной проделанной дыркой в потолке. Я сказала им, что во время рождения моего ребёнка хочу смотреть прямо в небо. Чтобы тот, кто дал всем нам жизнь, мог лицезреть рождение чего-то нового, что не было им самим запланировано – чёрта, дьявола или моей книги. Того, что не подчиняется его законам.

Я не атеист, я в тебя верю. Хочу, чтобы ты увидел то, что стоило мне таких усилий. Прочувствуй моего ребёнка. Ведь он и твой тоже.

Когда я бродила по улицам этого шероховатого города, я не могла ни о чём думать. Только о нём, о моём будущем ребёнке. Мысли захватили меня, и многое кануло в пространство, которое уже нельзя потрогать, но я и не жалею. Когда некоторые оскорбляли меня, а через минуту признавались в дикой любви, я не слышала их, не могла им ответить: в голове крутилась пластинка, посвящённая твоему рождению, знаешь. Я молчала, и мой рот был забит запятыми, которые нужно было всадить, как украшения, в твою чудную голову, и точки, которые должны были стать зрачками твоих ярких и безумных глаз.

Но всё получилось немного иначе. Ты родился, мой ребёнок, но ты родился слепым и бездушным. Наверное, так лучше, и ты не увидишь всего того, что тебе и не нужно видеть. Ты никогда не увидишь оплеванные души современно-

сти, рваные кроны дворовых деревьев, одиночество пустых вокзалов. Я сама вырезала твои глаза и заботливо повесила их себе на шею. Но не беспокойся, я расскажу тебе обо всём. Ты узнаешь всю правду. Как только захочешь, как только пожелаешь, как только вонзишь кинжал в моё сердце.

Глава 5

Как следует отоспавшись дома, я отправилась в магазин. Взяв пару продуктов и немного воды, вернулась домой. Купленная вода разговаривала со мной, я слышала её тихий шепот. Она кричала мне о всякой ерунде, о её бывших мужчинах и нынешних болезнях, оставшихся от них, как приданое. Пришлось убить её – я сделала широкий глоток, и она похоронилась в моём желудке, тихо и беззвучно.

Люблю раздеваться для себя. Освободиться от одежды – это то, что нам присуще больше всего, и я, как трёхлетний ребёнок, с удовольствием сняла с себя всякие тряпки и почувствовала себя нагой, как Венера. Отодвинула шторы и начала привычно рассматривать прохожих. Но они меня даже не замечали, они думали о своих мыслях, которые, как спелые занозы, колосились в их чёрствых мозгах. Шагали, как шакалы, мужчины и не видели спелого женского тела, они копошились в своих проблемах, как навозные жуки в помёте. Катали шарики проблем – на самом деле трудностей не было, но им так хотелось, чтобы они были, они хотели чувствовать принадлежность к этому миру и делали всё возможное, чтобы хоть немного уловить это чувство, – они творили проблемы. А решения... Они им были не нужны.

Моё тело нуждалось в общении. Я улеглась на пол и уткнулась лицом в потолок. Музыка начала общаться с моим телом. Вдвоём они шептались. Они ворчали. Они кричали друг на друга. Вдвоём им было по-настоящему хорошо, вдвоём, без меня.

Дверь заскрипела, и глаза автоматически открылись. Ещё один мой друг стоял на пороге, его звали К.

К. изучал моё голое тело, которое он уже видел сотни тысяч раз. Он предложил мне алкоголя и, не дожидаясь ответа, начал пить его сам. Моё тело село и закрылось руками. С К. я всегда чувствовала себя хорошо. Мне не нужно было говорить: К. всегда говорил сам.

У К. была постоянная женщина, я не знала её имени, меня это не касалось. Они любили друг друга или пытались изобразить любовь. У них это получалось: все считали их прекрасной парой. Я знала, что его женщина ревновала. Она ревновала К. к моему телу.

Глаза К. дрожали, и я поняла: что-то не так.

– Она умерла. Четыре дня назад. Что-то с сердцем. Я подавлен, разбит, и кладбище... Я просто ушёл из дома, забрал все свои вещи. Не хочу ничего знать о ней больше. Можно пожить немного у тебя?

– Да.

К. отвернулся и заплакал. Его тёмные волосы забились в конвульсиях.

К. – мой друг, я обняла его и поцеловала в запёкшиеся глаза. Глаза К. были мне признательны и выпустили пару слёзптиц в знак ответа. К. сказал, что хочет выпить. Я разрешила. И он продолжил пить.

После этого К. пил три или четыре дня.

Я спокойно выносила бутылки и его друзей. Друзья К. поддерживали его, они пили вместе с ним. На пятый день я выгнала всех его «друзей» и чуть было не выгнала самого К. Но потом передумала. Велела много спать, а сама отправилась в город за наслаждениями. Мне захотелось чего-то нового, того, что ещё не чувствовалось. Чтобы наконец-то вырваться из круга скукоты, запуститься в омут чувственности, звучно бить себя через край. Кидаться в прохожих камнями и хохотать им в ответ. Больше всего хотелось чего-то такого.

Я надела своё лучшее платье и бросилась прочь.

Прочь из бутылки, в которую я попала благодаря К. Пары алкоголя пропитали меня насквозь, но мне хотелось большего.

Глава пятая с половиной

Макияж – зло. За косметикой скрываются нежные кожи, которые насильно пропитываются ядами современности, чтобы получить что-то, что более-менее совпадает с нелепым значением слова «красота». И женщины начинают барахтаться в химии, чтобы нырнуть куда поглубже, чтобы забыть, что у них вообще есть лицо. Забыть самим и не дать вспомнить другим. Тратят бесчинное количество бумажек на заветные полупустые бутылочки, покупая себе порошки, кремы, помады. Суровый боевой окрас наших дней.

Я не пользуюсь косметикой. Но сегодня перед выходом из дома я наредила себе ресницы. Они и так длинные и достаточно откровенны, но мне захотелось большего. С трепетанием я ласкала каждую ресничку, как на похоронах, прощаясь с их достойными лицами, нахлобучивая на каждую душный скафандр. Знала, что многие из них больше не вернутся из боя, но мне же хотелось большего, и пришлось пойти на жертвы.

Ресницы обиделись. Теперь они действовали отдельно от меня. Теперь нельзя тереть глаза, и я не смогу слизать всю грязь, в которую меня засунет сегодняшней прекрасный день. Обычно я делаю это, как кошка.

Открывать глаза – лучшее, что нам дано. Когда нам страшно – мы закрываем их, и страх тут же подходит к концу. Страх исчерпывает всего себя и становится незначительным и противным, и нам уже не так страшно, нам становится смешно – мы открываем глаза в надежде, что всё уже кончилось. Но перед нами всё те же безжизненные объедки детей, гнилые яблоки домов, кустарные тропы творчества. Всё то же – и одними глазами не спастись, нужно что-то большее, и я бегу за этим большим, я так хочу найти это *большее*.

Улица сразу же обняла меня и закружила в сильном ветре. Ветер нёс моё платье по разрушенным от невдумчивого строительства дорогам. Целовал мои пряные уста и твердил что-то о любви и смерти, но мне было плевать. Я ничем ему не обязана.

Дурацкие люди толпились на сизых скамейках, проклинали по очереди то судьбу, то правительство. Мне было смешно от них. Я никогда не интересовалась политикой. Пока политика не касается моего творчества – мне плевать. Когда поэтов сажают в тюрьмы за то, что они раскрывают гной своих душ и выплёскивают его в ровные стопочки книг, это неправильно. Они делятся с безликой толпой самым важным – как же вы не понимали этого раньше? Поэты и писатели – противоестественные люди. Я люблю их за то, что они так потрясающе научились себя терзать, делать себе мучи-

тельно больно и блаженно одновременно. И сразу же записывать, записывать строчку за строчкой – чтобы кому-нибудь продать свою кровь, обменять её на еду, напитки и крышу над головой.

Серьёзные дети играли в песочнице. Я не могла не остановиться. Достала старый фотоаппарат и начала фотографировать одного ребёнка, который походил чем-то на Пушкина. Он ворчал с улыбкой на лице, такой зелёный и свежий ребёнок. Совсем как укроп.

Вдруг какая-то рука тыкается мне в плечо.

– Ты – что – делаешь – дрянь – такая.

Понимая, что это относится ко мне, я немного теряюсь, и моё платье начинает предательски колыхаться, выдавая моё недоумение.

Двадцатилетняя старуха щекочет меня лезвиями – своими круглыми глазами-копейками, она душа – испорченный телефон и не знает всей правды жизни.

Развернувшись на пятках, я пошла прочь. Нет, я не люблю себя так, как меня любят другие.

Мужики оглядывали меня, как фрукт, и целовали в мозгах мои пальцы. Мне не было от этого противно, ничуть. Я знала, что ничего такого не случится (или только через мой труп, что тогда меня будет касаться в меньшей степени), шла себе вперёд.

Мои пальцы теребили воздух, и я случайно наткнулась на Акаю. Она сидела на скамейке и читала свои глупые книги. Она сама себя выгнала из дома, чтобы вдыхать тёплые пары машин и любоваться на огрызки людей, которые бегали взад-вперед по главной улице. Я села рядом и принялась читать какую-то абстрактную ерунду. Акая никогда не удивлялась моему неожиданному появлению. Она была фаталисткой и вообще ничему не удивлялась.

Пару лет назад она написала чудную книгу, которую никто не согласился напечатать. Я бы напечатала её, если бы у меня было наследство в пару миллионов. Многие мои знакомые пишут книги, которые никогда не печатают. Это вводит в уныние, согласитесь. Ради чего тогда всё? Ради чего тогда жить, если твоего ребёнка закапывают, как только ты выталкиваешь его на свет стенками своих рубиновых органов? И так один за другим, один за другим.

Акая часто говорит мне о своих внутренних органах. Она жаждет умереть раньше меня, чтобы именно я присутствовала на её вскрытии. Она глубоко уверена, что её сердце расположено под мочевым пузырьём. Кроме этого у неё постоянно то гастрит, то язва желудка. А всё потому, что Акая слишком сильно нервничает из-за своих глупых книжек.

– Вчера много пили. Не знаю зачем, но я тоже пила. Знаешь, теперь у меня есть идеи для новых картин, но нет масла. Может, попробовать обычным растительным маслом? Это было бы интересно. Бедный художник не смог найти денег для масляных красок и купил обычного масла, чтобы им как следует смазать механизм окружающего мира. Знаешь, деньги – это ужасно. Очень плохо. Но они нужны мне. Нужны больше, чем всё остальное на свете.

Так говорит Акая, а я молчу и слушаю её рот. Она умеет изъясняться так, чтобы я слушала с аппетитом.

У неё странное имя, и она никому не рассказывает, откуда оно такое появилось. Кто-то однажды сказал, что это её ненастоящее имя. Мне было плевать. Имя – это не индикатор человека, это всего лишь звук. Звук, на который он откликается, чтобы потянуться за очередным стаканом горького пойла.

Акая дружески треплет мои короткие волосы и просит не стричься больше. Говорит, что я стану совсем мальчиком и круги молочного мяса отвалятся от моей груди, а между ног само собой вырастет что-то, что может попрепятствовать рождению детей в будущем.

Я не хочу детей. Точнее, не могу представить, что могу

им дать от себя. Не желаю выращивать очередных огрызков, а на что-то большее вряд ли хватит сил. Если и рожу, то буду как великий Пикассо, презирать свою родную кровь. Не знаю, нужно ли мне это вообще. Дети – это не обязательный пункт, это так, бонус. Если у тебя есть всё и стало скучно, что нужно, чтобы разбавить скуку? Раз-два-три... ДЕТИ!

Они шумные и глумливые, и им нужен весь мир сразу. Им нужно много игрищ и крови, нужны все твои нервы. Они – перфекционисты, которые сосут твою венозную кровь до последнего. Постепенно убивают тебя, перерождаясь во что-то большое и страшно.

Пытаюсь объяснить это Акае. Она не слушает меня и это совсем не обидно. Я говорю это вверх в воздух, чтобы каждый мог меня услышать. Передайте мои слова по земной радиции, я прошу вас. Хочу греметь по всей планете так, чтобы заткнулись все остальные. Хоть на пару секунд. Можно? Ну, пожалуйста, можно?

Не хочу банальностей. С ума сойти, я должна знать множество вещей: как правильно гладить чьи-то рубашки, как чистить картошку, где покупать помидоры, чтобы вышло дешевле... Меня тошнит от этого.

Не хочу существовать как амёбная женщина, постоянно торчащая у плиты. Мне не нужно это, и я готова целовать

асфальт, чтобы показать всем, что я не сумасшедшая. Отпустите меня во что-нибудь другое. Может, в Париж? Хотя там те же тараканы и грязные проститутки.

Акая молчит и кивает головой своему многозначительному молчанию, словно непринуждённо общается с ним. Её плечо нежно подёргивает себя, и я вижу в нём знак одобрения. Отлично, хотя бы один человек меня понял. Это ведь многообещающее начало.

Она предлагает пойти в кафе. Есть какое-то новое место, где мы ещё не были, и я соглашаюсь. Why not?

Мы быстро там оказываемся. В кафе слишком туманно и почему-то пахнет пончиками, хотя пончиков не продают вовсе. Невнятные тела валяются за столиками и читают несвежую прессу. Мы привлекаем внимание своим шумным появлением, но всё тут же возвращается на свои места: люди снова делают вид, что читают. Акая почему-то заказывает себе бутылку вина и начинает распивать её в гордом одиночестве.

Она пьёт и теревит мочку своего напряжённого уха. Мужички, как мухи, начинают облеплять нас – поначалу лихими взглядами, а после уже и фразами, бессмысленными насмешками. Многие не понимают моего внешнего вида, об-

виняя меня в том, что я слишком странная. Да, я как что-то слишком непонятное на свежавымытом белом кафеле – вот что хотят внушить мне эти массы, ползущие взад-вперёд по мостовым. Словно они знают, кем мне нужно быть. Точнее, кем я должна быть для них.

Вообще, всё началось с ребячества. Ещё в детстве я напяливала на себя всё, что только можно. Я не стыдилась своего тела, просто искренне хотела отличаться от других стальных корпусов. Без одежды они были совсем как я, а это угрожало моей детской уникальности. И помню, как учительница назвала меня в школе шлюхой за то, что я прогуливалась по тухлым коридорам в самых длинных и самых широких клёшах (мы ещё мерили их линейкой). Я не сразу поняла, что учительница просто завидовала мне. На её обхват талии, который был равен радиусу Земли, ей было не найти клешей.

Акая начинает что-то шептать прямо в раковину моего уха, и я отвлекаюсь от мыслей.

Она говорит что-то о мужчине, который пялится на её губы. Он делает это так, что даже я вижу это. Мужчина не скрывает своего интереса – наверное, так и должно быть. Настоящий, простой и искренний интерес к женскому телу. Чудно, дивно и великолепно.

Тот мужчина вдруг вскакивает с места, рывком берёт свой

белый плащ (мужчина в молочном плаще – и куда смотрят боги?) и направляется в наше личное пространство, с треском разрывая его тонкую материю, нежно ухватывается за руку Акаи. Да, видно, она ему по-настоящему понравилась. Это так очевидно, когда один вид сырого женского тела порождает желание. Желание сожрать его, или хотя бы надкусить, ну или вложить в него немного своих личных белков. Нос мужчины с плащом трясётся от нелепых предвкушений. Они продолжают пить уже вдвоём, полностью игнорируя моё присутствие. А я им и не мешаю. Я думаю себе о мироздании и всяких других мелочах.

Часто ли вас любили? Меня любили часто. Часто любили мои глаза, мою спину и мои бёдра. Часто и больно. Каждый раз приходилось объяснять им, что я-то их совсем не любила. Они плакали, пели для меня песни под окнами. Мне было странно, и я делала вид, что курила в темноте. Я не знала, что им сказать. Они просто любили меня. А я – нет. Как неестественно: они целовали микстуры моего тела, планки моих ресниц, поэмы моих губ. Мне было смешно, а им страшно. Каждый прошёл через это. Любить меня всегда было безобразно, и ничем хорошим это не заканчивалось. Это вообще ничем не заканчивалось. Всегда были три убитые точки в конце, даже целых пять – я никогда не могла забыть каждого из них. Каждый из них стал частью меня – моей рукой, щитовидной железой или языком. Каждый из них врезался

в моё тело. Им не обязательно было знать об этом, понимаешь. Так стало бы ещё болезненнее.

Один из них был особенным. Я была всем для него. Он позволял веселить меня другим мужчинам, смотрел на это и опечаленно улыбался. У него была самая грустная улыбка в мире. Такая правильно построенная диаграмма жизни и смерти, из одного конца в другой, из начала в конец, из любви к ненависти. Он готов был сделать абсолютно всё, он стал добровольным рабом моей игрушечной души. Мне было смешно смотреть на его колючие движения и нелепые рассуждения о мире. Он был зелен и слаб в своей благой немощности. Он слишком много пил, чтобы быть со мной. Не знаю, зачем он пил. Он разочаровывался в каждой капле, но пил-пил-пил. Глушил своё счастье дробовиком. Убивал в себе эндорфины и клялся мне в вечной любви. Он выполнил своё обещание. Зря. Лучше бы просто перестал пить.

Тем временем Акая окончательно захмелела. И мужчина с носом, заботливо завёрнутый в плащ, уже болтал что-то о том, что у него есть номер в гостинице, что, мол, он здесь впервые и совсем не знает, куда идти, а тут вдруг встретил прекрасное создание (видимо, Акаю) и понял, что нашел то, что искал. Акая уже раскачивается, как шар в воздухе, она весела, расслаблена и хочет любви. Она говорит, что она пойдёт в номер, если с ними пойду ещё и я. Нос критично осмат-

ривает моё мальчишески резкое лицо, и видно, что я совсем не в его вкусе, но всё-таки соглашается.

И вот мы расшагиваем улицу уже втроём. Никак не могу понять, который час, но почему-то прохожие гудят, как мёртвый улей. И почти у каждого в лапе батон или рыба.

Пока Акая и Нос беседуют о какой-то мерзости, я начинаю разговаривать сама с собой и в итоге сочиняю стихотворение, которое можно даже куда-нибудь отнести, к пыльному редактору с жёлтыми камнями на зубах. Он, может быть, успеет обрадоваться, если не умрёт.

Мне приходится остановить процессию плотской любви, я привычно залезаю на скамейку и начинаю громко говорить в слух:

Всё исписано вашими пакостями
Слезливыми причитаниями
Глаз
Вы льёте на мир вашу гниль
Из тупых и острых фраз.

Дайте зонт
Я хочу укрыться от вашей тупости
Хочу забыться от вашей тёмной глупости
Растеряться по миру с песком
Как «Титаник» повстречаться со льдом.

Буду плавать под льдиной
Развлекаясь рыбной ловлей
Держать руки мёртвых
Так будет много удобней.

Найду там я правду
Расскажу её людям
А меня с криком осудят
И отправят в ссылку ко львам.

Львы не съедят моё мясо
Моё мясо – мясо моё
Лучше слижите всю гниль общества
Мне ей заблевали лицо.

Чистые линии пальцев
Грязные стопы ног
Уберите свои пошлости
Я яйцо которое сварено в срок.

Дайте зонт мерзавцы
Или к тиграм хотя бы уже
Эта система как неудавшийся торт
На мягком парафиновом корже.

Слабым спиртом залили свободу
Табакотом расписали могилы
Я вам не пустая игрушка

Из дерьма цвета несвежей глины.

До свидания вам глупым людям
Я дарю вам широкий поклон
Ухожу искать я свой зонт
Наверное на Марсе спрятан вами же он.

Они не прервали меня ни разу. Значит, импровизированный рассказ удался. Бездушные прохожие стопорились и выслушивали меня, а после этого стремительно убегали: им не понравилась моя песнь. Мне было плевать, самое главное для меня – мнение Акаи. Она разбирается в чувствах, звуках и винтовках, только она может сказать правду, которую я буду слушать. Нос стоит ровно напротив и полощет меня своим взглядом, он явно начинает понимать, что нужно убегать, спешить, пока не поздно, ибо я – зло в юбке, монах в кожаных брюках или клоун с гранатой в руке. Выбирай любое. Я могу сделать абсолютно всё.

Акая критично осматривает небо, и её светлые локоны копошатся в свете последних на сегодня солнечных лучей.

«Зонтик. Где-то уже это было», – веско произносит она.

И мы идём дальше. Три человека бредут в чумазый номер замшелого отеля, чтобы строить любовь вместе. Строить её, взявшись за руки и другие измазанные части тел. Будет революция чувств, мы реорганизуем систему, поставив

её на лопатки. Мы сможем доказать, что деревья должны расти корнями вверх, чтобы в конце концов опутать ими пелену неба. Пожалуйста, обвейте мои плечи тесьмой оргазмов, хочу чувствовать экстаз бытия, чтобы не жалеть о том, что я не стала космонавтом или плотником. Впустите моё тело выше, на пятый этаж незрячих мирозданий. Эксплуатируйте меня, вдевайте в меня белёдые нитки, я – ушко иголки, пользуйтесь мной столько, сколько вам нужно.

Мы идём строить любовь, с гордостью несём своё знамя.

Глава 6

Все знали, что у К. был рак. Никто не помнил, рак чего именно, но он методично раскидал свои личинки по всему телу К. Но К. мог ходить, пить, курить и заниматься любовью. Как говорил он сам, этого было более чем достаточно.

К. превратил остатки своей жизни в куски нелепых комедий. Ко всему он относился, как к одному большому недоразумению (естественным исключением были Акая и я). Ему было глубоко всё равно, что происходит во всём мире, волновало только то, что происходит в мире, который создал он сам. Да-да, у него был целый свой мир, в отличие от меня. Он устанавливал законы, и его тёмные волосы были президентами его именных республик. Всё было прекрасно в его мнимой стране.

Кажется, у К. даже была дочь от какой-то женщины. Кто-то говорил мне на ухо, что его дочь в другой стране и он никогда её не видел. Множество своих скульптур посвятил он ей. Вот только жаль, что она вряд ли их когда-нибудь увидит. Скорее К. умрёт или начнётся всемогущая ядерная война.

После того как мы сделали всю любовь, которую должны были отдать Носу, мы с Акаей выпорхнули из засаленной гостиной, которая была жутко дорогой, но мы видели в ней

столько дешевизны и зеленого мха с салом, что хотелось плевать, честное слово. Человек за стойкой посмотрел на нас, как на нищих в розоватых струпьях, и мы двинулись дальше. Я никогда не придавала веса тому, что думают обо мне другие создания. Кроме мамы.

У каждого человека есть либо мать, либо мамка, либо мама.

У меня всегда была и будет Мама. И никто мне в мире не нужен так, как она, это священное создание, этот ангел с крыльями из стекла, со смазанными мазутом губами. Она прекрасна в своей прямоте, как длинный километр по открытой дороге. Её улыбка кровоточит, как перезрелый плод, и она мелодична, как струя жизни. Этот человек породил меня, породил существо, в котором так много потенции и потенциала. Человека, из которого льётся всё что угодно, но только не кровь. Из меня льются чувства и полотна, буквы и строки, но только не красная субстанция крови. Это слишком скучно.

Она научила меня рисовать свою жизнь собственными руками и не думать о том, что не нужно. Она научила меня чтить себя и ненавидеть других. Я – послушная ученица, впитываю в себя всё, что изливает на меня она. Она выплёвывает плоды пламени, и я жадно хватают их ореолами своих миллионных ртов. В каждом миллиметре меня – рот и одно ухо, чтобы говорить и слушать. Её.

И иногда она подавляет меня своей немощной силой, которая выпадает из неё, как невиданный поток Ниагары. И я подчиняюсь её существу.

Знаешь, больше всего хочу, чтобы она жила вечно. Желаю, чтобы она жила столько, сколько сама захочет. Господи, подари ей эту привилегию. Ведь ты охраняешь своих приспешников с ангельскими лицами, так позаботься и о ней. Сохрани это чудо природы дольше, чем следует. Она умеет поражать и порождать. Она – женщина, переплетающаяся в подземельях всех страшных и странных родов человечества. Она взяла многое от Афродиты, Достоевского и радуги. Её не поймать: она так возвышенна.

Следует ли говорить, что я люблю её. Наверное, нет. Так и не будем. Не будем упоминать святое чувство ребёнка по отношению к главной женщине в его жизни здесь, в этой черствой книге, с лихвой сдобренной вином и едкими размышлениями о жизни.

Моя книга разбухла от пороков и моих больных мыслей, моей Маме здесь не место. Её место навек зарезервировано в моём дощатом сердце, навсегда только для неё. Она может привести туда всех, кого захочет. Моё сердце – это её частная собственность, её личный ковчег Ноя.

Мы шли по направлению к К.

В своих карманах я нашла деньги, которые взяла с серванта у Него прошлой ночью. Мы зашли в другой ресторан, с пунцовыми стенами, и поели немного калорий, чтобы не умереть от истощения. Акая не останавливалась и пила уже вторую бутылку вина за сегодняшний полдень. К концу импровизированного ужина она заказала две рюмки водки и осушила обе – одну за себя, одну за создание напротив.

Но мне хотелось чего-то большего, и мы зашли за К. и поехали на море. Море всегда рядом, оно каждый день посылает мне воздушные лобзания, и если оно вдруг выйдет из своих берегов-кошельков, то я не буду против. Я с лёгкостью позволю утопить себя среди отбросов заводов.

Мы ввалились в поезд и принялись громко разговаривать. К. не был пьян. Его комичность плясала танго, и он громко говорил о его любимчике Набокове. Я молчала: моя любовь к Набокову всегда была слишком откровенна, чтобы оголять её прилюдно.

К. громко матерился и привлекал внимание детей с широкими глотками. Дети глазели на его очумелый вид – на тёмные кудри его пружинных волос, на ровно очерченный рот и глаза, которые были похожи на один огромный кристалл. Или алмаз, что вам больше нравится. К. гудел, как паровоз. Размахивал руками и кричал, что Набоков – это бог,

и он хотел бы стать его женой-сатаной. Из ротовых отверстий прилегающих к нам детей текли струйки любопытства. Они не понимали.

К. продолжал. Он был горяч и зол на что-то. Набоков был разобран по кусочкам и молекулам, и мы стремительно перешли к другой теме. Мой рот начал без разрешения говорить. А я начала думать о других людях – людях, с которыми я никогда не была знакома.

И я уже рассказываю то, что придумывает на ходу мой тяжеловесный мозг: «Шёл по улицам мальчишка, ковырял по дороге носком грязного ботинка куски асфальта, которые валялись где не нужно. Мальчишка с чёрными глазами апатично топтал мёртвую птичку и размышлял о том, что мама сегодня приготовит на ужин.

Он медленно гулял по разбитой от вечной болезни улице. Мальчишка мечтал о супе с фрикадельками и котлете с хлебом.

Руки он засунул в карманы с дырками. В левом кармане дырка была гораздо больше, чем в правом, и поэтому мальчишка пытался достать мусор именно из... правого кармана. Мальчишка был не слишком умён.

А ночью ему снились синие корабли с матросами на блестящих от швабр палубах. Моряки пели песни, и на их белоснежных зубах забористо играло солнце. Синие манжеты безмятежно сливались с морем, с настоящим морем синюшного цвета. Вдруг матросы начали вытворять акробати-

ческие номера, и один матрос, самого маленького роста, свалился в воду моря.

Но он тут же выплыл из-под неровного покрова, улыбнулся мокрыми зубами и помахал рукой от удовольствия. Корабль остановился от недоумения. И тотчас все матросы стали прыгать в воду. Они бросили свою глупую акробатику и швабры и стали мокрыми, как вольная стая рыб. Солнце подмигивало кораблю, а он довольно изошрённо гудел в ответ. Гудел... Гудел... Гудел...

Тогда-то мальчишка и очнулся.

Город был серым, грязным и кислым. Мальчишка окончательно расковырял дырку в кармане, и теперь его карманы стали двумя огромными днищами его отчаянного творчества.

В магазине делать было нечего, всё равно денег решительно не было. Тогда он захотел непременно зайти в любой двор и покидаться в стёкла домов. Мальчишка с чёрными глазами долго выбирал подходящий камень. Он должен быть как родной, близкий. Чтобы даже кидать в окошко было чуть жалко, как будто что-то дорогое от сердца отрываешь. Он глазел на серую землю без передышки. И совершенно вдруг он нашёл именно то, что так долго искал. Камень цвета неудавшейся жизни. Красивый такой камень.

После долгих раздумий он выбрал особенное окно. С тяжёлыми синими шторами. Наверняка они пыльные и утомившиеся.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.